

«Грамотка» Алексея Ремизова из «Летописа» Димитрия Ростовского

Е.В. Жигулин

В любой культуре можно обнаружить влияние предшествующих историко-культурных эпох. Порой культура сознательно осваивает наследие определенной выбранной эпохи. Так, писатель Алексей Михайлович Ремизов (1877-1957) в XX в. художественно осмысливал и стилизовал древнерусскую культуру. Обращение его к последнему великому писателю Древней Руси св. Димитрию Ростовскому (1651-1709) было бы неудивительным. Однако в предлагаемом сюжете перекличка двух писателей оказалась неожиданной и нечаянной.

Св. Димитрий Ростовский – «крупнейший классик российской религиозной литературы конца XVII – начала XVIII вв.»¹, «самый популярный и самый плодовитый»² из всех авторов, писавших кириллицей. Начиная со свв. Кирилла и Мефодия до вытеснения церковно-славянского литературного языка русским в XVIII в., св. Димитрий написал больше всех и больше всех издавался в XVIII-XIX вв. Написанный после «Книг Житий Святых», «Руна орошеннего», проповедей, стихов и драм, «Летопис келейный от сотворения мира до рождества Христова» остался незавершенным в 1708 г., когда св. Димитрий взялся за последнюю книгу «Розыск о раскольнической брынской вере»³.

Книга «Россия в письменах» (1922) не совсем обычна в творчестве Алексея Ремизова⁴. У писателя была особая любовь к старым рукописям, книгам, вещам. Он разыскивал их сам или получал в подарок от друзей, внимательно изучал историю их бытования. Это рукописные и старопечатные книги, столбцы, челобитные, святыни, календарь, письмовник XVII-XIX вв. В книге «Россия в письменах» писатель публикует их фрагментарно или целиком, приводит владельческие и вкладные записи. Описывая старые вещи – крест, ковш, сундук, гадальные карты, изразцы, печати – Ремизов воспроизводит имеющиеся на них надписи.

Но это не каталогное описание. Писатель вживается в судьбы авторов писем и челобитных, вещей и их владельцев, они живут, разговаривают, действуют в книге. Вещи становятся частью собственной судьбы автора. Ремизов описывает, как и от кого они попали к нему и оказались в книге. Каждая главка – описание имеет название и образное «жанровое» определение: «Нарва» – «запечатленное», «Крест» – «заветное», «Гадальные карты» – «волшебное», «Странник» – «пророчественное», «Календарь» – «узорочное», «Каменные пруды» – «подспудное».

Щемящее чувство любви к уходящей Руси – России проясняется тем, что Ремизов писал книгу в 1914-1918 гг. и опубликовал

уже в эмиграции в Берлине в 1922 г. Писатель болезненно переживал войну и смуту, переименование Санкт-Петербурга – «Града Святого Петра» и запустение городов – он называет послереволюционный Петроград «заплеванным», а в Москву, говорит, «ездим как на кладбище».

Одна из главок книги называется «Грамотка» и «жанрово» определяется как «узорное». В описании истории «грамотки» трижды в начале, середине и в конце повторяется фраза: «Дивны дела Твои, Господи! В Новгород-Северске привозила баба на базар рыбу...». В начале истории «случилось одному охотнику с удочками толочься по базару. День и ночь рыбачил, и хоть бы какая сонная попалась, только приманку извел, вот он и задумал: «С пустыми руками как возвращаться... Присмотрю-ка я себе на уху рыбки!» Рыбу ему баба в «грамотку» завернула, дома после ухи рассмотрел «узорное» письмо, пошел к «книжному» приятелю, трудинвшемуся над Ипатьевской летописью и ему пересказал историю: «Дивны дела Твои, Господи...» Утром нашли на базаре бабу, но большую книгу таких листов она уже извела под рыбу. Путешествовала «грамотка» с разными людьми в Тифлис, а в Петербурге поэт Николай Андреевич Чернявский принес ее Ремизову с историей: «Дивны дела Твои, Господи...».

История «грамотки» показывает отношение к культурному наследию разных людей – трепетное у «охотника» и его «книжного» приятеля, и широкое – у бабы, продававшей рыбу. Были и обратные примеры, когда собиратели рукописей похищали их или вырывали листы, а простые люди сохраняли и передавали древности из поколения в поколение.

В «грамотке» пишется о явлении ветхозаветной Троицы Аврааму и объясняется, почему ангелы не спрашивали дороги к живущему в уединении праведнику, но просили проводить их к большому, но беззаконному городу Содому. После истолкования четырех смертных грехов утрачен фрагмент текста и во второй части следует рассуждение о том, что нельзя осуждать ближнего на основании слухов, как Господь осудил и наказал Содом только после того, как ангелы пришли и убедились в греховности города.

Отношение к «грамотке» Алексея Ремизова – как к чудом уцелевшему фрагменту утерянного ценного памятника. «Много поучительного!» – замечает он. Странно, что писатель, довольно хорошо знавший древнерусскую литературу, не определил произведения, отрывок из которого попал в его сборник.

Не определила источника «Грамотки» и жена писателя Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, которой посвящена «Россия в письменах», учившая мужа «премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязи, юсам и аористам», действительный член Санктпетербургского Археологического Института, ученица профессора Ильи Александровича Шляпкина. Сам Ремизов был знаком и встречался с Шляпкиным, их контактам посвящена статья А.М. Грачевой⁵.

И.А. Шляпкин, много лет занимавшийся изучением жизни и твор-

чества Святителя Димитрия и написавший до сих пор непревзойденную книгу «Св. Димитрий и его время» (СПб., 1891), без труда определил бы, что «грамотка» – это фрагмент истории Авраама 3500-х гг. из последней незавершенной книги св. Димитрия «Летопис келейный от сотворения мира до рождества Христова», написанной автором лишь до 3600-х гг.

Издан был «Летопис» лишь в конце XVIII в., позже других сочинений Святителя, но на протяжении XVIII в. пользовался большой популярностью и активно переписывался, так что сохранились сотни списков книги, которые можно найти почти во всех собраниях русских рукописей. В Новгороде-Северском список «Летописа» оказался не случайно, ростовский митрополит Димитрий был прежде архимандритом Новгород-Северского Спасского монастыря.

Ремизов не указал в публикации лицевой и оборотной сторон листа, почерк определил как южнорусскую скоропись второй половины XVII в. Понятно, что список «грамотки» был сделан позже, как минимум в первой половине XVIII в., после 1708 г. Судя по отсутствующему в «грамотке» фрагменту текста, по объему примерно равному каждому из опубликованных, у Ремизова была либо половина разорванного на две части листа книги большого формата, либо два листа тетради из книги малого формата, между которыми утрачен промежуточный лист.

Отсутствующее смысловое начало «грамотки», утраченный фрагмент текста и обрывающаяся фразу окончания легко восстановить по тексту «Летописа».

Начальная оборванная фраза «грамотки»: «Некто от историков умствует сице: «Един дом Авраамов чист бяше, вся же страна она скверна: Ангелы убо чистых человеков гделибо крыющихся добре ведят, скверных же («начало «грамотки») гделибо тыи зрятся, не познавают их». Се вина, се таинство изъявляется, чесо ради святыи Ангелы ко Аврааму наедине жившу, без проводника улучиша, к Содоме же путеказателя требоваху»⁶.

Окончание первого фрагмента «грамотки»: «Четвертый же грех на небо вопиющ, есть удержание мзды наемничи, якоже святый Иаков Апостол к богатым неправедным глаголет: «Се мзда делателей, делавших нивы ваша, удержанная (текст «грамотки» обрывается) от вас, вопиет: и вопиения жавших во уши Господа Саваофа внидоша»⁷.

Начало оборванной фразы второго фрагмента «грамотки»: «Малодушия бо есть сие, еже скоро веровати словесам оклеветающих ближняго, и (начало текста в «грамотке») гневатися на того и яритися, не известившися, истина ли есть вещь глаголемая»⁸.

Окончание второго фрагмента «грамотки»: «И святый Исидор Пилусиот святаго Кирилла Архиепископа Александрийскаго, сродника своего, гневавшагося неповинне на Златоустаго святаго, увещевая писа: «Яко не разсмотревши праведно, и не испытавши известно, никогоже судити подобает. Ибо и Господу Богу, вся прежде (текст «грамотки» обрывается) бытия ведущему, и несодеянная предзрящему, изволися самому с небес снити к согрешившим и

прогневавшим его градом: «Вопль (рече) Содомский» и про-
чая»⁹.

В «Грамотке», судьбу которой описал Алексей Ремизов, перекликаются судьбы его книги «Россия в письменах», второй том которой не был завершен и напечатан, и «Летописа», незавершенного св. Димитрием Ростовским.

«Летопись» св. Димитрий начал писать после завершения в Ростове последней, четвертой «Книги Житий Святых» в 1705 г. Основной целью «Летописа» было уточнение библейской хронологии и в традиции древнерусских изборников собрание воедино лучших восточных и, что важнее, менее известных в России западных комментариев событий ветхозаветной истории. По словам самого писателя, в книге он собрал и историю, и «толкования», и нравоучения по поводу ветхозаветных событий.

Кроме «келейного» чтения, предназначался «Летопись» и как пособие для проповедников, и для обучения учеников Архиерейской школы, продолжавших потом учебу в московской Славяно-Греко-Латинской Академии. Об этом свидетельствует предисловие, обращенное к ученикам, обнаруженное в двух списках «Летописа». Предисловие списка из собрания Великоустюжского собора было опубликовано в 1894 г. И.А. Шляпкиным¹⁰. Список предисловия «Летопись» из собрания РГБ опубликовал В.В. Калугин¹¹.

В истории русской и в контексте мировой литературы итальянская исследовательница Дж. Броджи Беркофф характеризует «Летопись» как «исключительно оригинальное сочинение, хотя оно и построено полностью на цитатах из других произведений [...] Это одновременно всемирная хроника, учительное евангелие, толкование Библии, история спасения человеческого рода, теологический трактат, глубоко риторический обличительный памфлет и сочинение проповедническое. Как цельное произведение, «Летопись» является, однако, независимым от всех названных жанров, хотя всем им и принадлежит. В этом его оригинальность, благодаря которой его можно определить как одно из первых произведений новой русской литературы и вместе с тем как последнее произведение православной церковно-славянской традиции»¹².

Художественная значительность «Летопись» в особой ритмике литературной речи, приближающейся к живой: «Горе же граду и стране, в нейже ни един обретается праведник, близ бо тамо разорение и пагуба: чесого образ есть Содома. Дотоль бо та бяше цела, донележе бе в ней Лот праведный, изшедшу же тому вон, погибeya вся страна оная».

*

¹ Янковская Л.А. Проповеди краковского каноника Яцека Либериуша как источник сочинений св. Димитрия Ростовского // ИКРЗ. 1996. Ростов, 1997. С. 152.

² Круминг А.А. Четыре Минеи святого Димитрия Ростовского: очерк истории издания // Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. М., 1994. С. 5.

³ Федотова М.А. Димитрий // Словарь книжников и книжности Древ-

- ней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 258-271.
- ⁴ Ремизов А. Россия в письменах. Нью-Йорк, 1982. Т. 1. Репринт.
- ⁵ Грачева А.М. Из истории контактов А.М. Ремизова с медиевистами начала XX века (И.А. Шляпкин) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. XLVI. С. 158-169.
- ⁶ Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1857. Изд. 3. Ч. 4. С. 383. Кириллица; Ремизов А. Россия в письменах. С. 78.
- ⁷ Сочинения святого Димитрия. С. 387; Ремизов А. Россия в письменах. С. 80.
- ⁸ Сочинения святого Димитрия. С. 389; Ремизов А. Россия в письменах. С. 80.
- ⁹ Сочинения святого Димитрия. С. 391; Ремизов А. Россия в письменах. С. 82.
- ¹⁰ Шляпкин И.А. Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славяно-русской письменности. СПб., 1894.
- ¹¹ Калугин В.В. «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 160-174.
- ¹² Броджи Беркофф Дж. «История во кратце» иеросхимонаха Спиридона: опыт исследования в контексте европейской историографии XVII в. // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6. С. 204.